

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КУЛЬТУРНО-ТЕМАТИЧЕСКИХ ДОМИНАНТ
НАРРАТИВНОГО ДИСКУРСА

Тематическое многообразие нарративного дискурса, инкорпорирующее темы отдельных текстов, сводится к конечному списку *тематических доминант* – устойчивых, регулярно воспроизводимых тем, организующих вокруг себя информационное пространство дискурса. Такие доминанты являются, по сути, *культурно-тематическими*, поскольку эксплицируют в дискурсе посредством языковых средств важную для лингвокультуры информацию. Взаимодействие доминант нарративного дискурса, являясь избирательным с точки зрения авторов текстов, приобретает устойчивый характер в рамках дискурса, обнаруживая тем самым закономерности его тематической организации.

Современная нарратология, берущая свое начало в «Поэтике» Аристотеля, получает богатое концептуальное наполнение. Так, К. А. Андреева, Р. Барт, А.-Ж. Греймас, Е. В. Падучева, В. Я. Пропп, В. И. Тюпа, Л. Г. Фридман и др. стремились выявить «базовую глубинную структуру текста» [1, с. 77], характер отклонения от которой указывал бы на некоторую повествовательную модель. Вместе с тем в последнее время под нарративом в широком смысле понимают метод, используемый для упорядоченного описания событий [2], «организующий принцип любого дискурса» [3, с. 360]; в узком – повествовательное предложение, нарративную структуру. Полярность дефиниций основана на двоякой событийности нарратива: «Перед нами два события – событие, о котором рассказано в произведении, и событие самого рассказывания» [4, с. 42]. Таким образом, суть современной нарратологии можно свести к следующему – «всякий рассказ – это структура, навязанная событиям, группирующая их друг с другом и исключая некоторые из них как недостаточно существенные» [5, с. 76]. При этом нарративный дискурс соотносится с самим текстом и событием следующим образом: «повествование вызвано к жизни некоторой историей (событием), без которой дискурс не будет повествовательным, в то же время, в качестве дискурса рассказываемое событие существует благодаря связи с нарратией, порождающей его» [6, с. 48].

Нарративный дискурс включает в себя тексты разных типов (жанров) и в настоящем исследовании рассматривается в широком значении как «совокупность тематически соотнесенных текстов» [7, с. 84]. Выявление характерных черт тематического наполнения нарративного дискурса в данном исследовании будет проведено на базе текстов короткого рассказа. Выбор именно этого типа текстов обусловлен его наиболее широкой представленностью в современных (2010–2014 гг.) авторитетных периодических изданиях на английском (сборники коротких рассказов «The Best British Short Stories») и белорусском языках (журналы «Полымя», «Маладосць»), что указывает на актуальность данной формы репрезентации художественной информации в двух лингвокультурах.

В наиболее часто цитируемом определении короткого рассказа указано, что «это художественный текст малой прозаической формы, последовательно повествующий об ограниченном количестве темпорально и логически соотнесенных событий, создающий у адресата впечатление целостности» [8, с. 46]. Очевидно, что данная дефиниция не является исчерпывающей. Для короткого рассказа характерны и режим экономии, информационная компрессия, высокая образность, а также реализация эстетической функции языка [9] и др.

Отмеченная терминологическая сложность связана и с тем, что короткий рассказ принадлежит к малой прозе, что предполагает в некоторой степени интуитивное определение автором и читателем объема текста как меньшего, чем типичный для национальной литературы в данный период. Вместе с тем объем текста не может являться единственным значимым признаком короткого рассказа, так как его количественные показатели варьируются от 300 до 1500 слов в разных источниках. Некоторые исследователи предполагают, что развитие современных средств коммуникации способствует увеличению количества прозаических миниатюр [10], но при этом ведет к уменьшению объемов текста современной короткой прозы [11].

Проведенный нами анализ 200 коротких рассказов, отобранных методом сплошной выборки из указанных ранее периодических печатных источников на английском и белорусском языках, позволил установить, что количество слов в тексте современного короткого рассказа не уступает приводимым выше данным (от 300 до 1500 слов), а значительно их превосходит.

Средний показатель объема анализируемого типа текста в англоязычной традиции составляет 3605 слов, или 13707 знаков, в то время как в белорусскоязычных текстах – 3049 слов, или 12081 знак. При этом выявленное соотношение (объем англоязычного рассказа превосходит белорусскоязычный) проявляется не только на уровне усредненных значений, но и на уровне всех показателей объема текста (рис.1).

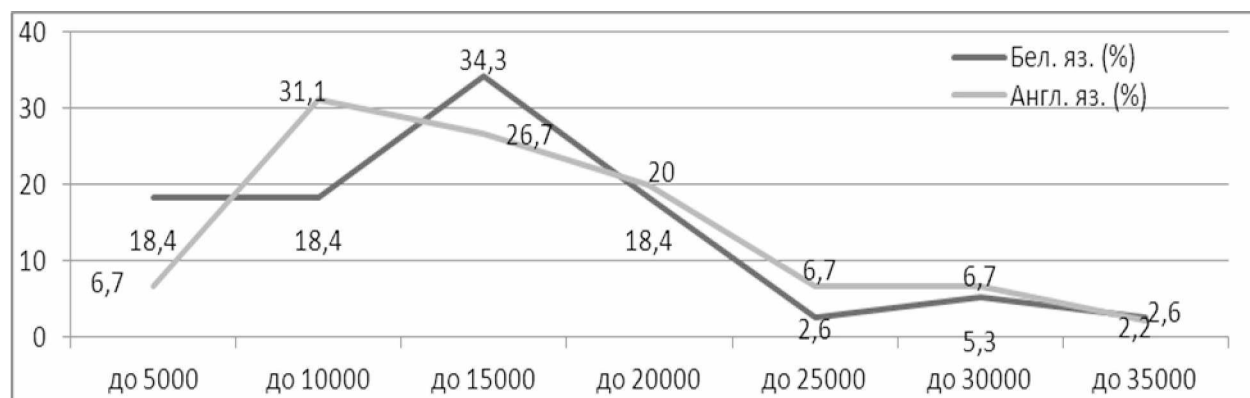

Рис. 1. Показатели количества знаков в современных текстах англо- и белорусскоязычного короткого рассказа, в %

Средний объем исследуемого в настоящей работе белорусскоязычного рассказа более стандартизирован и составляет 15000 знаков, на фоне общей тенденции реализации коротких рассказов посредством 5000–20000 знаков. Объем англоязычных рассказов, отобранных для настоящего исследования, более вариативен, при преобладании текстов средним объемом 10000 знаков. Полагаем, что выявленные отличия в объеме современного короткого рассказа обусловлены не столько временным показателем (так как все тексты написаны с 2010 по 2014 гг.), сколько лингвокультурным.

Несмотря на указанные терминологические затруднения и сложности в определении некоторого типичного для той или иной лингвокультуры объема рассказа, данное явление находится в центре многих лингвистических исследований. Так, в ряде работ изучается ритмическая структура короткого рассказа [12]; грамматическая его составляющая [13]; проводится содержательный и смысловой анализ [14; 15]; определяются интертекстуальные связи [16] и др. Однако тематическое наполнение короткого рассказа изучено недостаточно. Также до настоящего времени не проводилось комплексного сопоставительного исследования культурно-тематических доминант, вербализованных в нарративном дискурсе на неблизкородственных языках.

Под *культурно-тематическими доминантами* (далее также доминантами) в настоящем исследовании понимаются устойчивые, регулярно воспроизводимые темы, способные организовывать вокруг себя информационное пространство дискурса и транслировать значимую для лингвокультуры информацию. Методологическую основу исследования составляют идеи Т. А. ван Дейка, Н. А. Купиной, Т. Г. Добросклонской, Л. А. Савеловой, В. Е. Чернявской, Н. С. Болотновой, В. А. Масловой, Н. Б. Поповой, И. И. Чумак-Жунь, У. Маас, В. И. Тюпы, Л. Г. Бабенко, Ю. В. Казарина, Е. А. Леонтьева, М. Н. Кожинной, А. А. Кибрика.

Разработанная нами методика комплексного сопоставительного анализа тематического наполнения каждого текста с последующим обобщением полученных данных и выявлением культурно-тематических доминант нарративного дискурса включает тема-рематическое моделирование предложений, выявление ключевых слов, изучение заглавий как элементов темаобразования. Формализация микротем, подтем и тем целостных текстов осуществляется посредством группировки всех значимых для темаобразования лексических единиц в лексико-тематические группы. Последующее обобщение полученных данных позволяет свести все тематическое многообразие исследуемого нарративного дискурса к перечню культурно-тематических доминант. Однако отнесение той или иной темы к культурно-тематическим доминантам осуществляется на основе ее соответствия комплексу семантических и количественных критериев: вербализация в составе главной темы и подтем текстов, воплощение в произведениях разных авторов, реализация в разных текстах, суммарное количество всех языковых воплощений темы [17].

Полученные количественные показатели репрезентированности доминант в дискурсе – основа для их последующего ранжирования по значимости (частотности воплощения), а также для проведения кластерного анализа доминант нарративного дискурса. Кластерный анализ позволяет объединить доминанты в три кластера (ядерный, пограничный и периферийный) с учетом разнородных количественных и семантических показателей (функционирование в составе главной темы и подтем текстов, воплощение в произведениях разных авторов и др.) реализации доминант в исследуемом нарративном дискурсе. Так, доминанты, имеющие наибольшие количественные показатели представленности в дискурсе (от 20 до 16 баллов), относятся к ядерному кластеру; доминанты, имеющие балл от 15,9 до 6 – к пограничному, менее 6 баллов – к периферийному.

На основании разработанной методики комплексного сопоставительного анализа современного нарративного дискурса было установлено, что в англо- и белорусскоязычном дискурсе вербализовано одиннадцать общих для двух лингвокультур доминант (*семья, любовь, природа, работа, история страны, вера, смерть, город, жизнь, дом, время*), а также две доминанты, представленные лишь в белорусскоязычном нарративном дискурсе (доминанты *судьба* и *родина*). Результаты кластерного анализа свидетельствуют о значительных различиях как в количественной представленности культурно-тематических доминант, реализованных в англо- и белорусскоязычном дискурсе, так и о расхождении в группировке доминант на ядерные, пограничные и периферийные кластеры (табл.).

Т а б л и ц а

Результаты кластерного анализа культурно-тематических доминант современного англо- и белорусскоязычного нарративного дискурса

Наименование кластера					
ядерный		пограничный		периферийный	
англ. яз.	бел. яз.	англ. яз.	бел. яз.	англ. яз.	бел. яз.
семья	семья	любовь	любовь	город	жизнь
		природа	история страны	вера	природа
		работа		история страны	работа
		смерть		дом	вера
				жизнь	дом
				время	родина
					смерть
					судьба
					город
					время

К наиболее значимым (частотно вербализованным) общим доминантам нарративного дискурса на двух языках относится ядерная доминанта *семья*, пограничная доминанта *любовь*. Установлено также наличие общих доминант и в периферийном кластере двух лингвокультур: *вера*, *город*, *дом*, *время*, а также характерные для англоязычного дискурса доминанты *жизнь* и *история страны*, для белорусскоязычного – *родина*, *смерть*, *судьба*, *работа*, *природа*, *жизнь*. При этом доминанты периферийного кластера менее рекуррентно представлены в нарративном дискурсе на двух языках.

Исходя из положения Т. ван Дейка о возможности «отображения информационной организации текста в виде дискурсивных схем», а также предположения о том, что «дискурсивная схема текста – это промежуточный этап в моделировании схемы высшего уровня» [18, с. 34], в настоящем исследовании будут построены дискурсивные схемы, отражающие все многообразие отношений, возникающее между разными культурно-тематическими доминантами в двух подтипах художественного дискурса. Полагаем, что рекуррентность комбинаторики некоторых доминант, осуществленная с целью сохранения когерентности и доступности текста адресату, отразит общее и специфичное в способах трансляции информации в художественном дискурсе.

Количественные показатели реализации, как и порядок следования доминант нарративного дискурса в ранжированном перечне, сохраняют специфику воплощения доминант в каждой из лингвокультур. Выявлен ряд общих и уникальных черт и в сочетании культурно-тематических доминант разных кластеров.

Взаимодействие доминант нарративного дискурса, являясь избирательным с точки зрения авторов текстов, приобретает устойчивый характер в рамках дискурса, обнаруживая тем самым закономерности его тематической организации. *Ядерные* доминанты взаимодействуют с большинством доминант исследуемого дискурса каждой из лингвокультур (доминанта *семья* сочетается со 100 % доминант англо- и 75 % доминант белорусскоязычного нарративного дискурса). *Пограничные* доминанты характеризуются ослаблением комбинаторных способностей (доминанта *любовь* в британском нарративном дискурсе сочетается с 41 % доминант, в белорусском – с 50 %). *Периферийные* доминанты обладают избирательной комбинаторикой (доминанта *город* в белорусскоязычном нарративном дискурсе реализуется совместно лишь с 8 % доминант). Культурно-тематические доминанты с наибольшим количеством совместных реализаций в дискурсе являются *стержневыми*. К таковым в англоязычном нарративном дискурсе относятся триады *семья, любовь, смерть* и *семья, любовь, работа* (рис. 2), в белорусскоязычном – триада *семья, любовь, история страны* (рис. 3). Частотность совместных реализаций данных доминант обусловлена отражением ценностных ориентиров, транслируемых в коротких рассказах двух лингвокультур. Совместная реализация стержневых доминант находит отражение в использовании одних и тех же лексических единиц для языкового воплощения разных доминант в нарративном дискурсе.

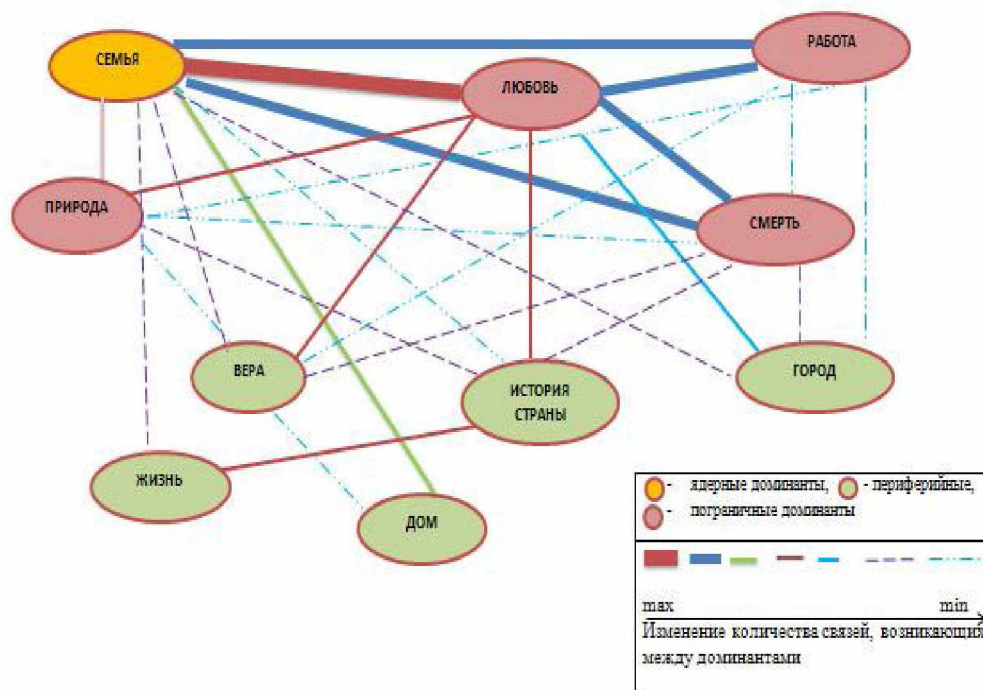

Рис. 2. Дискурсивная схема взаимодействия доминант англоязычного нарративного дискурса

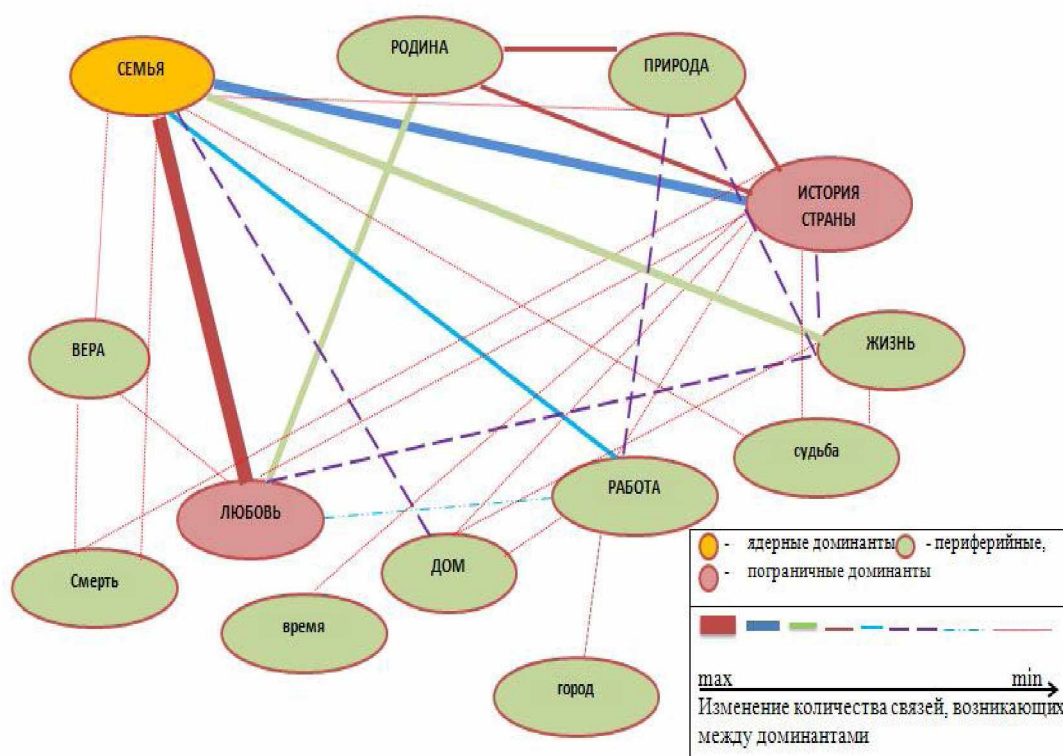

Рис. 3. Дискурсивная схема взаимодействия доминант белорусскоязычного нарративного дискурса

Рассмотрим комбинаторные способности культурно-тематических доминант на примере общей для двух лингвокультур ядерной доминанты *семья*. Данная культурно-тематическая доминанта получает наиболее частое воплощение в англоязычном дискурсе (40,7 % от общего числа реализаций всех

доминант англоязычного нарративного дискурса равного 100 %), нежели белорусскоязычном (28,6 %). Аналогичная тенденция сохраняется и в наиболее частом воплощении доминанты *семья* в монотематичных текстах на английском (20 %) нежели белорусском (7 %) языке (рис. 4).

Рис. 4. Представленность доминанты *семья* в современном англо- и белорусскоязычном нарративном дискурсе, в %

Установлено, что большинство взаимодействий доминанты *семья* в нарративном дискурсе на двух языках приходится на доминанту *любовь* (рис. 5), что обусловлено универсальностью и значимостью данных явлений для представителей англо- и белорусскоязычной лингвокультур. Например, мать уговаривает сына, пережившего неразделенную любовь, жениться: *Сыночак даражэнькі, усцеіш маё сэрца. Прывядзі ў хату гаспадыньку... – А я – адналюб. Як Машка адмовіла мне...* [19, с. 73].

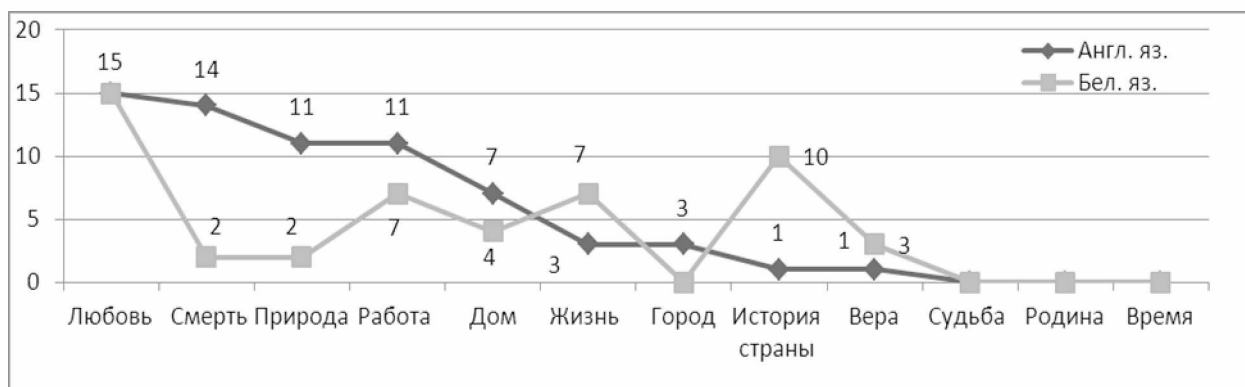

Рис. 5. Взаимодействие доминанты *семья* с другими доминантами современного англо- и белорусскоязычного нарративного дискурса

Выявленные различия в комбинаторике доминанты *семья* с другими доминантами нарративного дискурса, а также в ее представленности в монотематичных текстах обусловлены рядом причин. Во-первых, наличием некоторых расхождений в словарных дефинициях лексемы *семья* в каждой из лингвокультур. Англоязычные словари фиксирует определение партнерской семьи, включающей в свой состав супругов и их детей [20]. В белорусскоязычном – представлена традиционная (расширенная) модель семьи,

предусматривающая наличие супругов, детей и близких родственников, проживающих вместе [21]. Данные различия нашли непосредственное отражение в вербализации доминанты *сямья* в нарративном дискурсе. Например, в англоязычном рассказе высоко употребительными являются имена существительные, обозначающие самых близких членов семьи (*mother* ‘мама’, *daughter* ‘дочь’, *sister* ‘сестра’), а в белорусскоязычном – как близких (*бацька, маці, дачка, сын*), так и дальних родственников (*цётка, дзядзька, брат, стрыечная сястра*).

Во-вторых, в англоязычном дискурсе воплощены два противоположных взгляда на брак. С одной стороны, семейная жизнь описана как драма (*People living their own dramas* ‘Люди проживают свои собственные трагедии’ [22, р. 88]), противостояние (*Man and wife, cat and dog* ‘Муж и жена, кот и собака’ [23, р. 82]), в связи с чем, герои не видят необходимости в официальной регистрации отношений для создания семьи. С другой стороны, семья представлена как некая тайна (*Every marriage is a secret to those outside it* ‘Каждый брак – тайна для тех, кто в нем не состоит’ [24, р. 40]). В отличие от англоязычного, в нарративном дискурсе на белорусском языке внимание сосредоточено на духовном и душевном единстве (*быць у духоўным звязе* [25, с. 101], *як жа патрэбна чалавеку блізкая душа* [26, с. 59]), на необходимости самопожертвования в семейной жизни (*клапаціцца не толькі пра сябе* [27, с. 98]).

Более того, несмотря на сходства в раскрытии социальной проблематики в контексте семьи (семейное насилие, измены, наркотическая и алкогольная зависимость и др.), в коротком рассказе на двух языках реализован разный характер повествования о семейной жизни. Англоязычные авторы представляют максимально приближенные к современности реалии семейной жизни, обеспечивая перспективность воплощения доминанты. Данный способ раскрытия доминанты *сямья* обуславливает высокую ее совместную реализацию с доминантой *праца*, которая представлена неотъемлемой частью жизни протагониста. Например, *They don't know that alone in my office, I can't stop thinking of her. You see, she is everything I want in a wife. Can those men in the other offices say that?* ‘Они не знают, что оставаясь один в офисе, я не могу не думать о ней. Вы понимаете, в ней есть все, что я хочу видеть в жене. Могут ли эти люди в офисе сказать тоже?’ [29, р. 90].

В белорусскоязычном дискурсе доминанта *сямья* реализована ретроспективно. Под ретроспективностью мы понимаем как максимально частотное описание событий, свершившихся задолго до повествования о них лирическим героем, так и то, что в анализируемых произведениях семья рассматривается авторами на разных временных срезах: семья, пережившая революцию 1917 года; семья, столкнувшаяся с репрессиями в 1930-х годах; семья во время Великой Отечественной войны; семья в послевоенное время; семья во время распада СССР и современная семья, что тем самым позволяет проследить влияние исторических и общественно-политических изменений на жизнь белорусской семьи. Так, во время Первой мировой войны жена

бросила семью ради военного (*збегла з нейкім рускім афіцэрам* [19, с. 103]). Данная особенность вербализации доминанты *семья* в белорусскоязычном дискурсе объясняет и высокую степень ее совместной реализации с доминантой *история страны*.

Несмотря на то, что в некоторых англоязычных текстах присутствуют реминисцентные зарисовки, выступающие предысторией к дальнейшему повествованию, в основе текста – жизнь современной семьи.

Принадлежность общей для англо- и белорусскоязычного нарративного дискурса культурно-тематической доминанты *семья* к ядерному кластеру указывает как на наличие сходств, так и различий в языковом воплощении и совместной реализации с другими доминантами нарративного дискурса, в передаче лингвоспецифичной информации. Общим является широкая комбинаторика вербализованной в нарративном дискурсе на двух языках доминанты *семья*, ее вхождение в перечень стержневых триад доминант двух лингвокультур. Различия заключаются в количестве и качестве (способы вербализации) взаимодействий с другими доминантами нарративного дискурса, что обусловлено сохранением и трансляцией лингвоспецифичной информации представителями двух лингвокультур.

Установление центров тематической организации нарративного дискурса, позволяющих выявить закономерности репрезентации значимой для представителей той или иной лингвокультуры информации, обеспечивает возможность выявления общего и лингвоспецифичного в способах трансляции лингвокультурной информации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барт, Р. Миф сегодня / Р. Барт; пер. Б. П. Нарумова // Избранные работы: Семиотика. Поэтика : пер. с фр. / Р. Барт; сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. – М., 1994. – С. 72–130.
2. Ковыршина, С. В. Философская автобиография как форма духовного творчества, жанр дискурса и нарратив эпохи : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.01 / С. В. Ковыршина. – Екатеринбург, 2004. – 138 л.
3. Греймас, А.-Ж. Структурная семантика: поиск метода / А.-Ж. Греймас; пер. Л. Зиминной. – М. : Академ. проект, 2004. – 367 с.
4. Бахтин, М. М. Эпос и роман : сборник / М. М. Бахтин. – СПб. : Азбука, 2000. – 300 с.
5. Болотнова, Н. С. Филологический анализ текста : учеб. пособие / Н. С. Болотнова. – 4-е изд. – М. : Флинта : Наука, 2009. – 520 с.
6. Тюпа, В. И. Нарратология как аналитика повествовательного дискурса («Архиерей» А. П. Чехова) / В. И. Тюпа. – Тверь : Твер. гос. ун-т, 2001. – 58 с.
7. Чернявская, В. Е. Лингвистика текста: поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность : учеб. пособие / В. Е. Чернявская. – М. : Директ-Медиа, 2014. – 266 с.

8. *Леонтьева, Е. А.* Точка зрения в нарративе: на материале сопоставительного анализа современных русских коротких рассказов и их переводов на немецкий язык : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Е. А. Леонтьева. – Тюмень, 2005. – 190 л.
9. *Виноградов, В. В.* Стилистика: Теория поэтической речи. Поэтика / В. В. Виноградов. – М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1963. – 255 с.
10. *Пономарева, Е. В.* Русская новеллистика 1920-х годов: основные тенденции развития : дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.01 / Е. В. Пономарева. – Екатеринбург, 2006. – 487 л.
11. *Кузнецова, Т. Л.* Короткий рассказ – одна из малых форм коми прозы рубежа XX–XXI веков [Электронный ресурс] / Т. Л. Кузнецова // Вестн. Челяб. гос. ун-та. – 2011. – Вып. 55, № 17. – Филология. Искусствоведение. – Режим доступа : <http://www.lib.csu.ru/vch/232/016.pdf>. – Дата доступа : 20.06.2012.
12. *Сергеева, Ю. А.* Ритм в структуре современного короткого рассказа: на материале произведений Фей Уэлдон и Анни Сомон : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Ю. А. Сергеева. – М., 2008. – 204 л.
13. *Балаганина, Л. Н.* Стратегии грамматической интерпретации текста (на примере категории модальности) [Электронный ресурс] / Л. Н. Балаганина, О. А. Фадеева // Languages and Literatures. – Режим доступа : <http://frgf.utmn.ru/last/No7/text7.htm>. – Дата доступа : 10.07.2014.
14. *Костычева, Л. М.* О семантической триаде художественного текста / Л. М. Костычева // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2008. – Т. 150, № 2. – С. 249–258.
15. *Табанакowa, В. Д.* Лингводидактическая интерпретация голографической модели текста немецкого короткого рассказа / В. Д. Табанакowa, Т. Н. Лапчинская // Вестн. Тюм. гос. ун-та. Гуманит. исслед. – 2009. – № 1. – С. 222–227.
16. *Торгашева, М. А.* Языковые средства выражения интертекстуальных референций [Электронный ресурс] / М. А. Торгашева // Вестн. Волж. ун-та. – 2009. – № 2. – Режим доступа : <http://cyberleninka.ru/article/n/yazykovye-sredstva-vyrazheniya-intertekstualnyh-referentsiy>. – Дата доступа : 12.06.2013.
17. *Метлушко, И. В.* Критерии выявления культурно-тематических доминант в поэтическом дискурсе / И. В. Метлушко // Вестн. Мин. гос. лингв. ун-та. Сер. 1, Филология. – 2014. – № 4. – С. 73–82.
18. *Dijk, T. A. van.* Discursive analyses of news / T. A. van Dijk // A Handbook of qualitative methodologies for mass media research. – 1999. – Vol. 5. – P. 32–37.
19. *Ліпські, У.* Чуй / У. Ліпск // Полымя. – 2013. – № 9. – С. 73.
20. *New Oxford Dictionary of English.* – 3rd ed. – Oxford : Oxford University Press, 2001. – 2176 p.
21. *Тлумачальны слоўнік беларускай мовы* : у 6 т. / пад агул. рэд. К. К. Атраховіча. – Мінск : БелСЭ, 1979. – 6 т.
22. *Seaman, E.* Saving Face / E. Seaman // The Best British Short Stories. – 2012. – 2012. – P. 88–89.

23. *Beard, A.* Staff Development / A. Beard // The Best British Short Stories. – 2013. – 2013. – P. 81–83.
24. *Rose, D.* Eleanor the end notes / D. Rose // The Best British Short Stories. – 2013. – 2013. – P. 38–44.
25. *Масарэнка, А.* Холад жаночае душы / А. Масарэнка // Полымя. – 2010. – № 8. – С. 101–102.
26. *Арабей, Л.* Бездань / Л. Арабей // Полымя. – 2011. – № 12. – С. 58–59.
27. *Явар, С.* Мая даражэнькая / С. Явар // Полымя. – 2011. – № 8. – С. 97–99.
28. *Killham, N.* My wife is a hyena / N. Killham // The Best British Short Stories. – 2013. – 2013. – P. 88–92.
29. *Зарэцкая, Ю.* А грэх жыве... / Ю. Зарэцкая // Полымя. – 2012. – № 1. – С. 100–107.

The article is devoted to the revealed cultural and thematic dominants of the modern English and Belarusian narrative discourse. The cooperation of the dominants is studied and represented in the form of thematic discourse diagrams.

Е. Й. Юрьев

МЕТАТЕКСТОВЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ТЕКСТАХ УСТАВОВ НА НЕМЕЦКОМ, НИДЕРЛАНДСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Статья посвящена анализу метатекстовых элементов в текстах уставов юридических лиц Республики Беларусь, Российской Федерации, Федеративной Республики Германия и Королевства Нидерландов. Выявлены особенности письменной деловой речи и роль метатекстовых элементов в реализации ее стилевых черт. Анализируются частотность автореферентных высказываний, анафорических и катафорических конструкций и иных метатекстовых элементов в рассматриваемых текстах, выявляются наиболее типичные языковые средства их реализации. Раскрываются сходства и различия в функционировании метатекстовых элементов, обусловленные структурными особенностями языков и влиянием экстралингвистических факторов.

Усложняющиеся структуры современного общества требуют наличия эффективных механизмов, призванных регулировать деятельность различных субъектов права. Функцию такого регулирования выполняют, среди прочего, и деловые тексты. Ярким представителем данных текстов являются учредительные документы, к которым относятся, среди прочего, уставы юридических лиц. Необходимо отметить, что устав юридического лица следует отличать от иных документов с таким же названием, скажем, от уставов воинской службы, уставов межгосударственных организаций или уставов территориально-административных единиц.

Письменная деловая речь отличается рядом особенностей, например, константностью «лексических черт, стандартизацией словосочетаний и других средств» [1, с. 105]. Эти особенности обусловлены, в частности, тем, что «получатель должен понять текст при первом же его прочтении» [2, с. 121], поскольку реципиент не может расспросить автора более подробно о смысле